

ИЗВѢСТІЯ
ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Правителя Дѣла И. И. Серебrenникова.

Томъ XLV. 1916 годъ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ
Дмитрія Александровича
Клеменца.

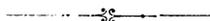
И Р К У Т С К Ъ.
Типографія Иркутскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

1917.

Дмитрій Александровичъ
Клеменць въ 187⁵/₆ г.

Д. А. К л е м е н ц ъ И СИБИРСКІЕ ИНОРОДЦЫ.

Къ числу немногихъ представителей русской интеллигенціи, имена которыхъ тѣсно связаны съ судьбами и исторіей сибирскихъ инородцевъ, по справедливости, долженъ быть отнесенъ и Д. А. Клеменць.

Д. А. Клеменца знали, какъ этнографа и знатока быта сибирскихъ инородцевъ. Но, какъ публицистъ по инородческимъ вопросамъ, онъ врядъ ли былъ извѣстенъ широкимъ общественнымъ кругамъ. А между тѣмъ эта сторона дѣятельности Д. А. заслуживаетъ особеннаго вниманія и памяти, если не сибирскаго общества, то со стороны инородческихъ элементовъ Сибири.

Къ сожалѣнію, мы лишены возможности въ настоящей замѣткѣ ярко отгѣнить роль Д. А. въ разработкѣ инородческой проблемы въ Сибири, такъ какъ эта проблема до сего времени не потеряла своего остро-злободневнаго характера, и поэтому подробное обсужденіе ея въ спеціальномъ научномъ журналѣ не представляется возможнымъ.

I.

Какъ извѣстно, Д. А. пришлось исколесить почти всю Сибирь въ качествѣ научнаго изслѣдователя. Во время странствій, ему приходилось сталкиваться съ тѣми или иными инородческими народностями. Со свойственной ему чуткостью и живостью, Д. А. глубоко и пытливо проникаетъ въ жизнь и бытъ инородческихъ племенъ Сибири.

У Д. А. Клеменца были всѣ данныя для того, чтобы подойти къ инородцамъ не какъ присяжному гелертеру, съ сухими учено-академическими интересами. За это говорили его прошлое и обаятельная личность, такъ мастерски и ярко обрисованная

въ «Подпольной Россіи» Степняка-Кравчинскаго. И дѣйствительно, какъ человѣкъ и общественный дѣятель, Клеменць относился къ инородцамъ съ большой теплотой и доброжелательностью. Тѣ инородцы, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, платили ему тѣмъ же, или просто боготворили его, такъ что тотъ художникъ изъ друзей Д. А., который какъ-то изобразилъ его въ видѣ буддійскаго святого, былъ весьма близокъ къ истинѣ, если онъ хотѣлъ передать символически отношенія инородцевъ-буддистовъ къ Клеменцу.

Близость къ природѣ и непосредственность духа сибирскихъ инородцевъ, очевидно, находили въ душѣ Д. А. сочувственные отголоски и пониманіе. По крайней мѣрѣ, въ одной изъ его статей этнографическаго характера, напечатанной въ № 47 «Восточнаго Обозрѣнія» за 1886 годъ, подъ заглавіемъ «Изъ поѣздки въ Качинскую степь», гдѣ Д. А. описывалъ шаманское посвященіе горнымъ духамъ «изыха», находимъ такія строки: «И для насъ этотъ культъ природы, эти воззванія къ владыкамъ горъ не потеряли еще извѣстной доли суровой поэзіи»*).

Заброшенный въ далекую Сибирь, Д. А. не позабылъ мечты своей молодости—разбудить самосознаніе русскаго народа и призвать его къ борьбѣ за лучшее будущее. Это настроеніе проявилось у него и по отношенію къ инородцамъ Сибири: вліяніе его было замѣтно не только въ публицистическихъ статьяхъ Клеменца, но и въ непосредственномъ личномъ его идейномъ воздѣйствіи на представителей инородческой интеллигенціи.

Извѣстный монголо-бурятъ, публицистъ и этнографъ, Ц. Жамцарано, въ теченіе ряда лѣтъ занимается переводомъ на монголо-бурятскій языкъ и изданіемъ различныхъ научно-популярныхъ книгъ. Идея этой дѣятельности, по словамъ г. Жамцарано, была внушена ему Д. А. Клеменцемъ. По мысли послѣдняго, широко поставленная издательская дѣятельность должна была разбудить къ живой и творческой дѣятельности дремлющее подъ мелодичные звуки колокольчиковъ буддійскихъ монаховъ сознаніе Бурятіи и Монголіи.

Въ № 9 «Русскаго Богатства» за 1905 годъ въ небольшой характеристикѣ, посвященной Клеменцемъ Гр. Ник. Потанину, мы встрѣчаемъ такія интересныя фразы: «Онъ въ своихъ эк-

*) „Изыха“—посвящаемое животное.

спедиціяхъ думалъ не только о томъ, что онъ привезетъ съ собой домой, но и о томъ, что самъ онъ принесетъ въ дальніе края. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ настоящимъ апостоломъ цивилизації и гуманности». Немного словъ въ этихъ строкахъ, но въ нихъ заключается цѣлая программа, цѣлое научно-идейное сгедо. Мы нисколько не преувеличимъ, если эту характеристику цѣликомъ отнесемъ къ самому автору ея: мы этимъ должное воздадимъ лишь достойному.

Минусинскъ, Томскъ, Иркутскъ, Забайкалье и Монголія— вотъ тѣ города и районы, гдѣ провелъ значительную часть своей жизни въ Сибири Клеменць, и въ которыхъ протекла его научно-общественная дѣятельность.

Благодаря этому именно обстоятельству, Д. А. пришлось больше всего сталкиваться съ монголо-бурятами, т. е. съ одной изъ наиболѣе культурныхъ и значительныхъ инородческихъ народностей Сибири.

Быть и нужды монголо-бурятъ Клеменць зналъ, несомнѣнно, лучше, чѣмъ быть другихъ инородцевъ Сибири. Изъ напечатанной въ настоящемъ сборникѣ переписки Д. А. съ Гр. Ник. Потанинымъ видно, какъ они совмѣстно разрабатывали вопросъ объ изученіи быта бурятъ. На почвѣ этой научной работы среди бурятъ, въ бытность Д. А. правителемъ дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, у него возникли чисто дѣловые связи съ нѣкоторыми представителями монголо-бурятъ. Связи эти не прерывались съ переводомъ Д. А. на службу въ этнографическій отдѣлъ музея Александра III-го въ С.-Петербургѣ. Тамъ Д. А. быстро сблизился съ учащейся монголо-бурятской молодежью и навербовалъ изъ нея дѣятельныхъ работниковъ по сбору этнографическихъ коллекцій для музея.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Клеменць въ теченіе чуть-ли не 2-хъ десятилѣтій находился въ постоянномъ общеніи съ монголо-бурятами на почвѣ дѣловой и личной. Это, конечно, позволяло ему быть всегда въ курсѣ бурятскихъ дѣлъ. Отсюда понятно, почему большинство наиболѣе крупныхъ и цѣнныхъ публицистическихъ статей его относились къ бурятскому вопросу.

Изъ этихъ статей мы рассмотримъ здѣсь двѣ, а именно: «Замѣтки о кочевомъ бытѣ», появившіяся въ «С.-Петербургскихъ

Вѣдомостяхъ» за 1903 г., впоследствии почти безъ измѣненій перепечатанныя въ №№ 49 и 52 «Сибирскихъ Вопросовъ» за 1908 годъ; и «Пессимизмъ на бурятской почвѣ» въ № 10 тѣхъ же «Сибирскихъ Вопросовъ» за 1907 годъ.

Какія обстоятельства вызвали появленіе въ свѣтъ упомянутыхъ выше »Замѣтокъ о кочевомъ бытѣ»? Здѣсь намъ придется привести небольшую справку изъ недавняго прошлаго монголо-бурятъ.

Два послѣднихъ десятилѣтія являются годинами особыхъ испытаній для бурятъ. За указанное, сравнительно краткое, время у бурятъ было упразднено, въ началѣ 1900-ыхъ г. г., общественно-административное самоуправленіе, дѣйствовавшее по положенію 1822 года, и были отобраны въ широкихъ размѣрахъ земли подъ переселеніе.

Введеніе крестьянскихъ учреждений вмѣсто упраздненныхъ «Степныхъ Думъ», среди инородцевъ-кочевниковъ являлось началомъ перехода ихъ de jure къ осѣдлому состоянію. Но для того, чтобы инородцы и de facto перешли къ осѣдлому быту, было недостаточно одного указа о введеніи крестьянскихъ учреждений.

Въ «сферахъ» было окончательно рѣшено произвести въ широкихъ размѣрахъ урѣзку бурятскихъ земель въ казну—и положить, такимъ образомъ, конецъ кочевому быту и дать тотъ фактической фундаментъ, въ которомъ такъ нуждались мѣропріятія администраціи по ликвидаціи кочевого быта.

Уничтоженіе среди инородцевъ Степныхъ Думъ гр. Сперанскаго, родового управленія и суда, съ введеніемъ крестьянскихъ учреждений и института крестьянскихъ начальниковъ, и отобраніе земель встрѣтили со стороны инородцевъ протестъ и возраженія.

Инородцы разсматривали эти реформы, какъ попытку переустройства ихъ быта, покушеніе на ихъ права—«Хартію вольностей»—и видѣли въ нихъ смертельную опасность для ихъ національно-родового единства и солидарности.

Въ статьѣ—«Буряты и освободительное движеніе» въ № 7 „Сибирскихъ Вопросовъ“ 1907 года упомянутый выше г. Жамцарано, оцѣнивая значеніе для его соплеменниковъ положенія 22-го года, писалъ: «Стародумцы (Стародумчество—партія, отстаивающая хартію бурятскихъ вольностей—положеніе 1822 го-

да. А. М.) цѣнятъ родовой бытъ и въ союзѣ родовыхъ общинъ видятъ оплотъ противъ антинаціональныхъ факторовъ, основу солидарности и уравнительнаго распредѣленія экономическихъ благъ. Потому стародумцамъ слишкомъ дороги принципы автономности, проведенные въ законѣ гр. Сперанскаго, (т. е. въ положеніи 1822 года).

Противодѣйствіе бурятъ реформамъ обратило вниманіе русскаго общества и печати. Часть умѣренно-прогрессивной печати оказалась на сторонѣ реформаторовъ (см. статьи «Буряты и реформа» г. Снѣговскаго въ газ. «Забайкалье» за 1903 годъ. Другая часть и независимые консерваторы, въ лицѣ князей Мещерскаго и Ухтомскаго, неувѣренно и слабо защищали «мирныхъ, безобидныхъ и искони лойяльнѣйшихъ» бурятъ. Неувѣренность и нерѣшительность тона этой части печати были вполне понятны, ибо Бурятія для многихъ представляется до сихъ поръ terra incognita.

А съ другой стороны вѣдомственные устроители жизни бурятъ, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, прибѣгали къ доводамъ науки, облекались даже въ тогу либерализма и прогрессивности, выражая сожалѣніе о „несчастныхъ бурятахъ, беспощадно обираемыхъ своими родовыми магнатами“.

Что же могли противопоставить этой фразеологіи вѣдомственныхъ дѣятелей полуинтеллигентные ходатаи изъ бурятъ? Они могли лишь умолять и просить „милости и жалости“.

Своей національной интеллигенціи тогда у бурятъ еще не было: она поголовно сидѣла на школьныхъ скамьяхъ. Единичные представители старой «отхожей» интеллигенціи оказались въ рядахъ вѣдомственныхъ реформаторовъ.

Необходимое слово защиты инородцевъ вѣско и авторитетно было сказано Д. А. Клеменцемъ въ его «замѣткахъ о кочевомъ бытѣ».

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію главнѣйшихъ положеній статьи Д. А., мы приведемъ вкратцѣ аргументацію его противниковъ.

Они говорили, что самой лучшей и культурной формой быта и хозяйства являются осѣдлый бытъ и земледѣліе; они метали грома и молніи на кочевой бытъ и скотоводство монголо-бурятъ и утверждали, что буряты не могутъ вѣчно придерживаться формъ примитивнаго быта и хозяйства и должны перейти

къ земледѣлію и осѣдлому состоянію, согласно предначертаніямъ экономической науки и исторіи. Они утверждали, что, если буряты чуждаются осѣдлости и земледѣлія, то благодаря только ихъ «дикости и косности» или проискавъ «степной знати».

По словамъ Д. А., они—„не могли говорить сколько-нибудь сдержаннымъ языкомъ“ о родовомъ строѣ, этой основѣ солидарности и сплоченности буряты.

Мнѣніе противниковъ кочевого быта и скотоводства, что бурятамъ необходимо перейти въ осѣдлое состояніе и къ земледѣлію, несомнѣнно, было навѣяно ученіемъ школы классической политической экономіи объ эволюціи и послѣдовательной смѣнѣ хозяйственныхъ формъ и быта.

Д. А., не будучи спеціалистомъ экономистомъ, очень мѣтко предугадалъ, что въ данной аргументаціи его противниковъ кроется научная натяжка. Онъ еще соглашался, что земледѣліе—«по справедливости считаютъ наиболѣе совершенной формой труда», или, что «во всѣхъ учебникахъ, въ видѣ аксіомы, повторяется положеніе: земледѣліе—самая совершенная форма быта». Но «какъ ни продуктивна земледѣльческая форма быта», продолжаетъ дальше Клеменць: «она не единственная. Ни звѣрепромышленность, ни кочевой бытъ не вывелись даже въ самыхъ культурныхъ странахъ. Скажемъ прямо—они необходимы для культурныхъ обществъ, какъ подспорье жизни». Далѣе Д. А. указываетъ, что демократическіе слои населенія Англіи имѣютъ дешевое мясо, только благодаря подвозу его отъ австралійскихъ и американскихъ кочевниковъ, ибо въ самой Англіи условія ея хозяйственной конъюнктуры не позволяютъ заниматься ни стойловымъ ни пастбищнымъ скотоводствомъ въ широкихъ размѣрахъ.

Переходя къ культурно-капиталистической Франціи, Д. А. отмѣчаетъ факты перехода отъ земледѣлія къ кочевому быту. Это чрезвычайно интересное съ точки зрѣнія экономической науки явленіе произошло въ началѣ XIX вѣка, когда населеніе Парижа стало сильно увеличиваться. Приростъ населенія вызвалъ усиленный спросъ на съѣстные припасы, и особенно пошла въ ходъ баранина съ морского побережья Франціи, съ такъ наз. «Соляныхъ пастбищъ»—*pré salée*. Населеніе забросило свое земледѣліе и, вотъ уже болѣе 85 лѣтъ, бродя по солянымъ по-

лямъ со своими баранами, превратилось въ пастуховъ-кочевниковъ, и, благодаря этому, повысилось его благосостояніе.

— „Есть еще другой примѣръ кочевого быта“, пишетъ дальше Д. А., «сохранившійся въ центрѣ Европы, но какъ-то оставляемый безъ вниманія. Успѣхи, достигнутые земледѣіемъ, заставляютъ насъ мечтать объ интенсивномъ хозяйствѣ, объ искусственныхъ тукахъ, но, гдѣ объ этомъ и мечтать нельзя, то мечтаютъ хотя о какомъ-нибудь земледѣіи, о земледѣіи во что бы то ни стало; но мы проглядели Швейцарію. Съ обычной своей практичностью и здравымъ смысломъ, швейцарцы крѣпко держатся за свой горный кочевой бытъ, сумѣли его усовершенствовать и соединить съ интенсивной культурой и промышленностью. Что такое альпійское скотоводство, какъ не тотъ же кочевой бытъ? Чѣмъ оно отличается отъ алтайскаго, тяньшанскаго киргиза, сойота или торгоута? Разница вся въ томъ, что швейцарецъ къ своему кочевому скотоводству приложилъ усовершенствованные методы, выработалъ особый типъ горнаго, молочнаго скота и технику обработки молочныхъ продуктовъ. Можно задать вопросъ, что сталъ-бы онъ (швейцарецъ—А. М.) даже теперь, при великолѣпныхъ швейцарскихъ дорогахъ, дѣлать съ районами верхнихъ Альпъ безъ перекочевокъ? Прибавимъ еще къ этому, что и въ самой Швейцаріи есть мѣстности, гдѣ люди живутъ только скотоводствомъ, и живутъ хорошо“.

Обращаясь къ значенію кочевого быта и скотоводства въ Россіи, Д. А. указывалъ, что «главной заслугой кочевого быта нужно признать удешевленіе мясной пищи».—«Въ настоящую минуту, когда въ степяхъ сибирскихъ эпизоотія, мы на себѣ ощущаемъ, насколько важнымъ подспорьемъ служить для насъ сибирскій кочевой скотъ. Въ самой Сибири одна изъ крупныхъ вѣтвей промышленности—добываніе золота—въ значительной мѣрѣ находится въ зависимости отъ цѣнъ на мясо».

Здѣсь мы должны замѣтить, что Д. А. скорѣе не дооцѣниваетъ значенія кочевого быта. Вѣдь киргизскія, бурятскія и прочія степи, въ которыхъ развитъ кочевой бытъ и скотоводство, выбрасываютъ на русскій рынокъ, помимо мяса, огромныя массы кожъ, волоса и шерсти.

Д. А. отмѣчаетъ и въ Россіи переходъ части искони земледѣльческаго русскаго населенія къ скотоводству и кочевому

быту, подъ давленіемъ мѣстныхъ условій. Вотъ его подлинныя слова: «мы часто видимъ въ Сибири переходъ отъ чисто земледѣльческаго къ кочевому быту». Здѣсь авторъ приводитъ примѣръ южно-забайкальскихъ русскихъ казаковъ.

Утвержденіе своихъ противниковъ, что кочевой бытъ не даетъ условій для развитія культуры, Д. А. отбрасываетъ примѣрами французско-швейцарскихъ скотоводовъ—кочевниковъ, указаніемъ, со ссылками на ученый трудъ ген. Иванина, на геніальную стратегію Чингисъ-Хана, дисциплинированность и организованность его войскъ, которыя позволяли великому хану достигать малыми силами колоссальныхъ результатовъ. Изъ среды дикарей не могли, конечно, зародиться ни стратегія, подобная чингисовской, ни его желѣзныя войска.

Примѣръ современной, чисто кочевой Монголіи, сумѣвшей создать свою литературу, перевести на свой языкъ всю энциклопедію буддійской мудрости—Ганджуръ и Данджуръ,—и появленіе среди бурятъ врачей и юристовъ, по мнѣнію Д. А., тоже говоритъ за то, что въ кочевомъ бытѣ ничего враждебнаго культурѣ не кроется. Наоборотъ, примѣръ земледѣловъ-старовѣровъ въ Забайкальѣ, относящихся съ нескрываемой злобой и нетерпимостью ко всякимъ новшествамъ, скорѣе говоритъ за то, что земледѣліе не всегда является залогомъ процвѣтанія культуры.

Развитіе древнихъ культуръ на берегахъ морей, на небольшихъ полуостровахъ и у большихъ рѣкъ, по мнѣнію Д. А., даетъ основаніе полагать, что эти культуры своимъ развитіемъ обязаны не одному только земледѣлію, а въ значительной мѣрѣ торговлѣ, образованію торговаго капитала.

Легенду о томъ, что буряты якобы чуждаются земледѣлія и осѣдлаго быта, благодаря ихъ „дикости и лѣности“, Д. А. разсѣиваетъ также рядомъ краснорѣчивыхъ фактовъ и соображеній.

Отмѣтивъ цѣлый рядъ неудачныхъ и порою курьезныхъ опытовъ сверху насадить земледѣліе среди кочевниковъ, Д. А. замѣчаетъ:—„Кочевникъ—далеко не принципиальный противникъ земледѣлія. Если оно мало развито, то лишь потому, что слишкомъ мало имѣется мѣстъ, способныхъ къ хлѣбопашеству. Большинство киргизъ всегда разводятъ бахчи. Кромѣ того, они, какъ и буряты, великіе знатоки земледѣлія съ орошеніемъ“.

Въ дальнѣйшей темѣ изложенія Д. А. приводитъ рядъ примѣровъ занятія земледѣліемъ даже такихъ кочевниковъ-скотоводовъ, какъ монголы, буряты, киргизы, дурбеты (западные монголы), сойоты и др., по р. р. Хилку, Тугнѣ, Орхону, Селенгѣ, Туинь-Тацѣ, Черному Иртышу и его притокамъ.

Противники Клеменца говорили, что буряты переходятъ къ земледѣлію, въ силу земельного утѣсненія. На это Д. А. возражаетъ: а кто и въ чемъ стѣснялъ и стѣсняетъ монголовъ и другихъ кочевниковъ, перешедшихъ къ земледѣлію?

«Во всѣхъ этихъ случаяхъ», продолжаетъ Клеменць, «если мы спросимъ себя, почему въ одномъ углу степи человѣкъ ходитъ съ плугомъ, а въ другомъ пасетъ табуны, мы прежде всего найдемъ отвѣтъ въ физико-географическихъ условіяхъ страны—удобствѣ почвы, возможности выгодно приложить свой трудъ, затѣмъ благоприятныхъ условіяхъ сбыта продукта».

Заканчивая свои разсужденія о кочевомъ бытѣ, Д. А. приходитъ къ выводу, что этотъ бытъ у бурятъ нуждается не въ истребленіи, а въ усовершенствованіи. Улучшеніе коневодства у бурятъ, по мнѣнію Д. А., дало бы хорошей и дешевой контингентъ лошадей для арміи; рациональная постановка овцеводства—выгодную статью вывоза за границу; то же самое дало бы и улучшеніе бурятскаго молочнаго хозяйства. Касаясь маслодѣлія, Д. А. бросаетъ замѣчаніе, что изъ бурятъ могутъ выйти отличные маслодѣлы. Замѣчаніе это оказалось пророческимъ: въ своей «экономической географіи Сибири» покойный П. М. Головачевъ уже писалъ, что въ Забайкальѣ буряты явились инициаторами и пионерами маслодѣлія и организаціи маслодѣльныхъ артелей.

Родовому быту у бурятъ былъ нанесенъ сильный ударъ вѣдомственными реформаторами. Но они, похоронивъ родовой строй, не могли однако установить, какой же институтъ замѣнилъ разложившійся родъ. Еще въ 1900 году проф. А. А. Кауфманъ въ своей брошюрѣ „Земельныя отношенія и общинные порядки въ Забайкальѣ“, на основаніи анализа вѣдомственныхъ данныхъ, приходилъ къ заключенію, что «инородческая община въ Забайкальѣ не есть ни вѣдомство или управа, ни родъ или часть рода, ни селеніе, ни булукъ. Точнаго и опредѣленнаго отвѣта на занимающій насъ вопросъ мы не найдемъ». То же самое констатируетъ въ своихъ «Замѣткахъ» и Клеменць

что даетъ ему поводъ сказать, что съ похоронами родовой общины немножко поторопились. Въ защиту послѣдней, отмѣтивъ рядъ ея положительныхъ свойствъ, онъ выдвигаетъ соображенія этического и практическаго характера.

Проектъ сокращенія бурятскаго землепользованія, нынѣ практически осуществленный, вызываетъ со стороны Д. А. слѣдующія возраженія: «Назначеніе нормъ пользования указываетъ какъ будто бы на надежду, а, можетъ быть, и увѣренность выгадать кое что, найти остатки, которые можно утилизировать для другихъ цѣлей, но для какихъ? Вѣроятнѣе всего, для вырѣзки переселенческихъ участковъ среди бурятскихъ кочевій. Намъ кажется, что эти надежды на новый районъ колонизаціи нѣсколько преувеличены. Въ теченіе полутора ста лѣтъ изъ этихъ земель выкраивались участки для крестьянъ, казаковъ, въ оброчныя статьи, подъ миссіонерскіе станы, почтовыя станціи, такъ что завиднаго осталось немного. Сухія степи по Онону и Агѣ, кое-какія мѣстечки въ Хоринскомъ вѣдомствѣ, Боргойская степь по Селенгѣ не вознаграждаютъ переселенца за потерянный на родинѣ участокъ. Переселяясь за 7.000 верстъ, колонистъ надѣется, что его устроятъ прочно, дадутъ возможность создать благосостояніе, а въ Забайкальѣ найти теперь такую благодать не легко».

Итакъ, еще въ 90-ыхъ годахъ для Клеменца было ясно, что нельзя изъ Забайкалья выкроить сколько-нибудь емкій колонизаціонный фондъ. А между тѣмъ, не такъ давно въ Государственной Думѣ и печати высшіе представители переселенческаго вѣдомства доказывали, что отъ инородцевъ можно отрѣзать до милліона десятинъ земельныхъ излишковъ. Но увы: старикъ Клеменць оказался правъ. Въ недавно вышедшемъ отчетѣ Забайкальскаго поземельно-устроительнаго отряда отмѣчается, что о созданіи въ Забайкальѣ колонизаціоннаго фонда пока что не можетъ быть и рѣчи, ибо старожилое населеніе оказалось мало обеспеченнымъ землею, и отъ земельной тѣсноты оно спасается массовыми и систематическими выкочевками въ Монголію, и что аграрный кризисъ въ нѣкоторыхъ районахъ области можетъ быть разрѣшенъ лишь переселеніемъ старожиланаго населенія въ дальневосточныя области. «Можно, разумѣется, вырѣзать всѣ рѣчки, луга и лѣса въ пользу новыхъ переселенцевъ», продолжаетъ Д. А., «и оставить бурятамъ сухія

степи и солончаки; но подобный способ действий столь чуждъ нашимъ понятіямъ и традиціямъ равенства права на жизнь всѣхъ русскихъ подданныхъ, что систематическое проведение этой мысли на практикѣ можно считать не осуществимымъ.

«Если мы желаемъ приберечь земли для прироста мѣстнаго населенія», говоритъ въ другомъ мѣстѣ Д. А., то, конечно, ихъ цѣльбе сохранять кочевники, чѣмъ землепашцы. Можно впередъ сказать, что легкихъ и сухихъ почвъ высокихъ равнинъ Забайкалья не надолго хватить. Если въ 40 лѣтъ истожились самарскія и саратовскія земли, то, при сухости климата, легкой почвѣ, земледѣлецъ, тамъ (въ Забайкальѣ—А. М.) не просидитъ и 10 лѣтъ».

Въ предисловіи къ своимъ «Замѣткамъ о кочевомъ бытѣ», Д. А. писалъ: Признаюсь, я согласился на это (перепечатку въ «Сибирскихъ Вопросахъ» «Замѣтокъ»—А. М.) только послѣ большихъ колебаній; но не потому, чтобы я измѣнилъ свои взгляды на этотъ вопросъ, а по той причинѣ, что, продолжая заниматься этимъ вопросомъ, я нашелъ слишкомъ много интереснаго, чѣмъ бы хотѣлось подѣлиться съ читателемъ», но— „я не увѣренъ, будетъ ли мнѣ дано окончить мой трудъ“. И дѣйствительно, къ великому сожалѣнію и потерѣ для науки, беспощадная смерть прервала дальнѣйшую разработку Клеменцемъ вопроса о кочевомъ бытѣ. То, что осталось намъ отъ задуманнаго большого труда Клеменца, а именно, «Замѣтки о кочевомъ бытѣ», имѣютъ характеръ предварительныхъ набросковъ.

Но, тѣмъ не менѣе, въ его «Замѣткахъ» здѣсь и тамъ встрѣчаются мысли и замѣчанія, которыя, при послѣдующемъ развитіи и обоснованіи, могутъ пріобрѣсти поучительный научно-экономическій интересъ.

„Замѣтки о кочевомъ бытѣ“, написанныя по поводу бурятъ и бурятскаго вопроса, несомнѣнно, имѣютъ общенородческой характеръ, и даютъ весьма интересный матеріалъ для освѣщенія и практическаго разрѣшенія инородческой проблемы въ Сибири. Не даромъ эти „Замѣтки“ были перепечатаны въ «Сибирскихъ Вопросахъ» П. М. Головачевымъ.

Не поддежитъ также сомнѣнію большое значеніе „Замѣтокъ о кочевомъ бытѣ“ для самихъ инородцевъ и инородческой интеллигенціи: онѣ намѣтили для послѣдней пути и вѣхи научно-исторической защиты интересовъ инородческихъ массъ.

Вторая статья Д. А. Клеменца „Пессимизмъ на бурятской почвѣ“, какъ видно изъ ея заглавія, относилась уже непосредственно къ бурятамъ. Но и эта статья не лишена интереса съ обще-инородческой точки зрѣнія—постольку, конечно, поскольку на почвѣ тождества культуръ «пессимизмъ», который имѣлъ мѣсто среди бурятъ, можетъ возникнуть и среди другихъ инородческихъ племенъ Сибири. И та оцѣнка и анализъ внутренней сути этого «пессимизма», данныя въ статьѣ Клеменца, имѣютъ въ себѣ много поучительнаго не только для бурятъ, но и для прочихъ инородцевъ Сибири.

„Пессимизмъ на бурятской почвѣ“ явился отвѣтомъ на статью извѣстнаго публициста и бурятскаго общественнаго дѣятеля, М. Н. Богданова, въ № 3 „Сибирскихъ Вопросовъ“ за 1907 г., подъ заглавіемъ: «Бурятское возрожденіе».

Г. Богдановъ въ своей статьѣ приходитъ къ крайне мрачному выводу относительно будущаго родной ему бурятской народности.

Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ его статьи:

«Пока мы оживимъ застывшую монгольскую литературу и дойдемъ до созданія шедевровъ національнаго художественнаго творчества»,—не успѣетъ ли уже раздавить насъ всемогущій богъ западно-европейской культуры—капиталъ, который, съ водвореніемъ въ Россіи новыхъ формъ науки, мощными шагами пойдетъ впередъ? Нужно помнить, что мы живемъ не въ эпоху средневѣковья, когда каждая маленькая національная группа могла жить внутри своей ячейки совершенно изолированно отъ внѣшняго міра, а въ XX вѣкѣ, когда процессъ капиталистическаго развитія разрушаетъ почти всѣ національныя различія, какими бы китайскими стѣнами они ни отгораживались».

Эти строки вызвали вполнѣ заслуженную отвѣдь и возраженія со стороны Д. А. Клеменца.

Клеменць негодуяюще спрашиваетъ автора бурятскаго «Возрожденія»: „Какое дѣло капиталу до бурятской литературы? Зачѣмъ онъ будетъ давить ее? Чѣмъ она ему мѣшаетъ?... Мы не знаемъ, откуда взялъ нашъ авторъ, что средневѣковье со своими изолированными группами способствовало хоть сколько-нибудь развитію мѣстныхъ литературъ“.

— «Появилась и развилась могучая литература, но уже въ концѣ средневѣкового періода, и какъ разъ въ Италіи, кото-

рая вела громадную торговлю—и въ промышленномъ отношеніи далеко опередила остальную Европу. Эпоха возрожденія и слѣдовавшая за нею реформація знаменуютъ наступленіе новыхъ временъ».

„Конечно, развитіе международныхъ сношеній ведетъ ко взаимнымъ заимствованіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимному пониманію. Сглаживаніе особенностей имѣетъ свой предѣлъ. Каждое самое маленькое племя имѣетъ родословную въ нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ. За этотъ періодъ оно выработало свои физическія и духовныя особенности, которыя нельзя вытравить даже насиліемъ. Борьба нѣмцевъ съ венгерцами окончилась побѣдой послѣднихъ. Азіатскій языкъ этого четырехъ-милліоннаго народа, сохранивъ свою самобытность, создалъ литературу въ борьбѣ со швабами, которые были вшестеро многочисленнѣе мадьяръ и старше культурой. Еще болѣе любопытный примѣръ представляетъ крошечный народецъ славянскій, затерявшійся среди нѣмцевъ Лузаціи. Онъ уже почти совсѣмъ забылъ свой языкъ; но, вмѣстѣ съ ростомъ образованія, росло и національное сознаніе. И теперь этотъ народецъ имѣетъ свою письменность. Капитализмъ, какъ извѣстно, началъ входить въ силу въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Мы просили бы нашего автора указать намъ, какія національности были раздавлены капитализмомъ хотя бы въ послѣднія сто лѣтъ. Въ благодарность за такое указаніе, мы обѣщаемъ ему представить нѣсколько весьма знаменательныхъ примѣровъ возникновенія новыхъ и весьма почтенныхъ литературъ среди небольшихъ народностей, возникшихъ на зарѣ и въ эпоху полного господства капитала.

«Если имѣютъ какую-нибудь цѣну выводы положительной науки, мы должны помнить, что обиліе разновидностей извѣстнаго вида служитъ залогомъ прочности его существованія», поэтому «всякая разновидность челоуѣчества имѣетъ свой *raison d'être*. Угашая, обезличивая или уничтожая какую-нибудь разновидность челоуѣчества, мы несемъ громадную отвѣтственность передъ будущимъ челоуѣчествомъ».

«Значеніе данной группы (народности—А. М.) еще не опредѣляется ея численностью. Представимъ себѣ, что очень немногочисленное племя эллинское погигло..., но эта потеря была бы настолько велика, что мы не можемъ даже опредѣлить ее».

«Въ Малой Азіи мы видимъ остатки цѣлыхъ рядовъ погибшихъ культуръ. Эти старые обломки культуръ, это исчезновеніе разныхъ мелкихъ народовъ на памяти живущаго поколѣнія невольно заставляетъ дорожить каждой сохранившейся оригинальной группой, особенно такой, которая имѣетъ уже солидные зачатки культуры и историческое прошлое. И безъ того уже погибло много культурныхъ начинаній; и безъ того, чтобы попросить прошлое, мы должны говорить съ могилами».

„Пессимизмъ на бурятской почвѣ“ Клеменца, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, имѣетъ, по нашему разумѣнію, большое принципиальное значеніе не только для постановки инородческаго вопроса въ Сибири, но и національной проблемы въ Россіи вообще.

Для того, чтобы пояснить эту нашу мысль, намъ придется сдѣлать небольшую экскурсію въ прошлое и разобраться въ той общественно-политической обстановкѣ, которая сопутствовала появленію въ свѣтъ данной статьи Д. А. Клеменца.

Въ теченіи долгаго времени, благодаря культурной отсталости и политической неразвитости русскаго общества, обусловленныхъ обстоятельствами внутренней его жизни, національная идея, въ ея самомъ здоровомъ и научно-раціональномъ пониманіи, находилась у насъ въ загонѣ и явно игнорировалась.

При подобномъ отношеніи къ національной идеѣ и національному вопросу широкихъ круговъ русскаго общества въ метрополіи, нечего и говорить объ отношеніи этихъ круговъ къ инородческому вопросу въ Сибири.

По авторитетному свидѣтельству Гр. Ник. Потанина (См. „Областническія тенденціи въ Сибири“, Томскъ 1907 г.), во времена Ядринцева въ Петербургскихъ „радикальныхъ журналахъ публицисты-дарвинисты, —вѣрнѣе мальтузіанцы, —писали, что будущее принадлежитъ исключительно высшимъ расамъ, какова, на примѣръ, благородная арійская раса, а низшія неблагородныя расы самой природой обречены на вымираніе, и что всякія усилія наивныхъ гуманистовъ отмѣнить этотъ печальный роковой приговоръ безсильны; природа не сентиментальна“. Или «плюньте на нихъ (на инородцевъ—А. М.). Предоставьте ихъ той жестокой участи, какая имъ предназначена. Вамъ не измѣнить желѣзнаго закона исторіи, который противъ нихъ. Имъ не суждено имѣть будущаго, имъ предоставлено только послужить

удобрениемъ почвы, на которой должна возникнуть и развиваться жизнь болѣе счастливой расы.*)

Отголоски констатированнаго Г. Н. Потанинымъ отношенія къ инородцамъ и инородческому вопросу въ Сибири живы до сего времени, какъ въ самой колоніи, такъ и метрополіи, при чемъ это умонастроение стало за одно время настолько сильнымъ и властнымъ, что захватило въ свое русло такого виднаго инородческаго общественнаго дѣятеля, какъ М. Н. Богдановъ, который въ концѣ концовъ тоже присоединился къ мнѣнію, что лебединая пѣсня родной ему народности спѣта.

Позиція, занятая Д. А. Клеменцемъ въ его «Пессимизмъ на бурятской почвѣ», по отношенію къ національно-инородческой идеѣ была діаметрально-противоположной указанному выше умонастроению. Огромный жизненный оптимизмъ, далекій отъ утопіи и маниловщины, вѣра въ безсмертье и творческую силу человѣческаго духа, въ какія бы отрицательныя условія онъ ни былъ поставленъ,—вотъ характерныя черты этой позиціи Клеменца.

Почти впервые, послѣ старо-сибиряковъ, сибирскіе инородцы услышали изъ устъ Д. А. Бодря, пріветныя и убѣжденныя рѣчи.

Опираясь на данныя науки и исторіи, Клеменць обращался къ инородчеству, готовому разбрестись и расползтись во всѣ четыре стороны предъ сокрушительнымъ напоромъ новыхъ факторовъ жизни, съ призывомъ къ борьбѣ за лучшее будущее. Въ противоположность старо-сибирякамъ, которые тщетно вzywали, главнымъ образомъ, къ гуманнымъ чувствамъ русскаго общества и ожидали до самаго послѣдняго времени спасенія инородцевъ извнѣ,—Клеменць въ своей статьѣ адресуется непосредственно къ самимъ инородцамъ. Онъ вѣрилъ въ ихъ будущее и указывалъ имъ, въ частности монголо-бурятамъ, на ихъ задачи и долгъ предъ родиной и обще-человѣческой культурой. Клеменць ожидалъ, что инородцы внесутъ свой цѣнный и своеобразный вкладъ въ міровую культуру. И мы осмѣливаемся думать, что онъ не ошибался: жизнь уже отчасти оправдала его надежды, какъ и большинство его блестящихъ предвидѣній о судьбахъ и роли инородчества,—мы можемъ указать на оригинальное и признанное художественное творчество пѣвца

*) Jbid.

царственного Алтая, этой колыбели Монголо-тюркскихъ народовъ: чистокровный алтаецъ по происхожденію, художникъ Гуркинъ— лучшая живая иллюстрація основательности вѣры Клеменца въ лучшее будущее сибирскаго инородчества.

Мы сдѣлали попытку обзора двухъ большихъ публицистическихъ статей Клеменца по инородческому вопросу. Какіе-же слѣдуютъ отсюда выводы?

Постановка вновь, послѣ старо-сибиряковъ, на научно-историческую почву инородческой проблемы въ Сибири и выясненіе экономической и политической необходимости сохраненія для Россіи сибирскихъ инородцевъ,—вотъ, по нашему мнѣнію, резюме заслугъ и значенія Дмитрія Александровича Клеменца передъ русскимъ обществомъ и инородчествомъ.

А. Мэргенъ.

Иркутскъ, 8 апрѣля 1916 года.

